Наталья
Инейдер
Сиротка для
ДРАКОНА
Бои без правил

Наталья Шнейдер

Сиротка для дракона. Бои без правил

Серия «Драконы империи»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70184476
SelfPub; 2024

Аннотация

Сиротку приняли на боевой факультет. Везение? Может быть. Декан считает, что девушки поступают на боевой факультет только чтобы найти себе мужа, но я-то знаю, что собираюсь стать сильным магом.Вот только один наглый старшекурсник постоянно отвлекает меня от занятий. Лучше бы я никогда не узнала, кто он на самом деле.Лучше бы нам вовсе не встречаться! Второй том.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 14
Глава 3 24
Глава 4 34
Глава 5 45
Глава 6 55
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Наталья Шнейдер
Сиротка для дракона. Бои без правил

Глава 1

Влипла, определенно.

Но что я могла натворить и когда? В тот черный провал между тем, как я рухнула в постель, и пробуждением? Но единственным человеком, которому я могла навредить ночью, была Оливия, а она, вон, жива-здорова.

Подруга тем временем протянула плешивому дворянскую грамоту, который тот не преминул изучить как следует. Потом пришел черед моих документов. Мужчина так же внимательно ознакомился с ними и протянул мне еще два листа бумаги.

– Постановление об аресте. И об обыске, – пояснил он.

Я попыталась вчитаться, но строчки прыгали перед глазами.

– Оливия, можно тебя попросить? – Я протянула ей бумаги.

Плешивого перекосило, остальные посмотрели на меня с немым изумлением. В самом деле, как простолюдинка по-

смела обратиться к графине на «ты»!

– Конечно, – с достоинством кивнула она. Пробежала глазами первый листок, вернула его мне. – Это постановление об обыске. Оно касается только твоих вещей и твоей половины комнаты.

Последние слова, кажется, были произнесены не для меня.

– Это – об аресте. – Брови Оливии взлетели на лоб. – По подозрению в покушении на жизнь барона Бенедикта Вернона?

– Что?! – выдохнула я. Слова кончились, и все, что я могла – таращиться на сыскарей и соседку, забыв, как дышать.

– Подозрение в покушении на жизнь барона Вернона-младшего, – повторила Оливия.

Я, наконец, обрела дар речи.

– Что за бред! Я и пальцем его не тронула! Да и когда бы?

– После вчерашнего я уже ни в чем не уверена, – задумчиво произнесла соседка.

«Честное слово, один бокал!» – вспомнилось мне. Щеки обожгло стыдом. Да, я ни в чем не виновата, и вчера говорила чистую правду, но кто мне поверит?

Похоже, кто-то подлил мне что-то крепкое в лимонад. Но зачем? Зачем кому-то понадобилось, чтобы я лыка не вязала? Просто напакостить?

А может, и в бокале, который протягивал мне Бенедикт, была какая-то гадость? Не просто же так он настаивал, чтобы

я выпила. Может, он и мириться на самом деле не собирался, а хотел выставить меня на посмешище.

Но Оливия сказала, что в вине ничего нет. Неужели она на его стороне?

– А что было вчера? – вскинулся плешивый.

Оливия приподняла бровь.

– Это допрос?

– Неужели вы не хотите помочь правосудию, ваше сиятельство?

– Я с радостью помогу правосудию, – улыбнулась она. – И помогаю ему прямо сейчас, напоминая о том, что все правила ареста, допроса и обыска были написаны кровью невинно казненных, и потому эти правила следует соблюдать.

Сыскарь покачал головой. Обернулся ко мне.

– Лианор, где твои вещи?

– Вот. Ищите. – Я обвела рукой свою половину комнаты, стараясь держаться так же холодно-безразлично, как соседка, но вряд ли у меня это получилось.

Даже если Бенедикт на самом деле хотел не помириться, а устроить мне очередную пакость, почему Оливия сказала, что в вине ничего нет?

Да о чем я думаю? Какая разница, что было на уме у Бенедикта и кто подпоил меня? Кто на него покушался, и как это сделали, что покушавшегося никто не видел? Почему подумали на меня, понятно – о нашей вражде знали все, а стражи всегда ищут пропажу под фонарем, а не там, где потеряли.

Плешивый взялся за ридикюль на столе, но Оливия его перебила.

– Это моя вещь.

– Прошу прощения, ваше сиятельство, – повинился сыскарь, с поклоном протягивая ей сумочку.

Второй сыщик, худой и остроносый, между тем, обшарил карманы моего кителя.

– Вот. – Он извлек оттуда бумажный сверток.

В похожих нам выдавала лечебные порошки госпожа Алекса, целительница в нашем приюте.

– Что это? – удивилась я.

– Тебе лучше знать, – ответил плешивый, разворачивая бумагу.

– Откуда мне знать, если это не мое?

– Конечно, само в карман прыгнуло. – Он обернулся к третьему. – Записывай. Сверток из аптечного пергамента с… – он развернул край, – белым порошком. Ваше сиятельство, засвидетельствуете?

– Да, конечно.

Значит, на помощь Оливии нечего рассчитывать. Впрочем, с чего я взяла, будто она захочет мне помогать? Мы всего лишь волей случая оказались в одной комнате и…

И вчера ей и без того хватило со мной хлопот, а потому нечего наглеть. Особенно учитывая, кто ее отец. Скажут, дочь такого важного человека покрывает убийцу.

Ох, и ведь госпожа Кассия узнает! Что она обо мне поду-

мает!

– Это не мое, – повторила я, но на меня не обратили внимания. Остроносый распахнул дверцы шкафа, не особо церемонясь, выгреб на пол содержимое одной полки, второй…

Дребезжа, покатился пузырек темного стекла.

Откуда он там взялся? У меня ничего подобного не было!

– Это не мое! – закричала я.

– Заткнись! – рявкнул плешивый.

– Крысиный яд, – сказал остроносый, поднимая склянку.

Сунул пузырек мне в лицо, так что, даже захоти я прочитать этикетку, не смогла бы – слишком близко. Показал Оливии – та кивнула. Остроносый передал пузырек плешивому. Тот сказал:

– В шкафу среди вещей обнаружился пузырек темного стекла с… – Он заглянул внутрь. – Белым порошком. Надпись на этикетке…

Он снова протянул пузырек Оливии, но не выпуская его из рук. Подержал перед глазами этикетку, давая еще одну возможность прочитать, наклонил горлышком к ней. Оливия снова кивнула.

Остроносый продолжал перетряхивать мои вещи, не гнушаясь исследовать нижнее белье. Меня передернуло не то от стыда, не то от брезгливости. Когда они уйдут, надо будет все перестирать.

Когда они уйдут. Уйдут ли?

Лысый обернулся ко мне.

– Где платье, в котором ты вчера была на балу? – спросил он.

– Не было платья.

Хотелось вскочить, закричать, выставить этих людей, которые вломились ко мне с утра пораньше, бесцеремонно роются в моих вещах и подозревают меня невесть в чем. Но все тело словно сковало, и отчаянно не хватало воздуха.

Сверток, пузырек с крысиным ядом – наверняка обертка соответствует содержимому.

Неужели Бенедикта в самом деле пытались отравить? С его характером у него наверняка много врагов. Все знают, что одна простолюдинка, то есть я, сцепилась с Бенедиктом. Очень удобно.

Никто мне не поверит.

– Полный зал видел тебя в платье, – настаивал лысый.

– На мне был мундир. Платье – иллюзия.

И значит, порошок подложили мне либо до того, как я ее активировала. Либо после. До – некому, кроме Корделии. После – парни, которым я объявила, что юбки нет, возможно, Дейзи, и…

Оливия.

Верить в это не хотелось.

Лысый между тем не унимался.

– Это должна быть очень хорошая иллюзия. Кто сотворил ее для тебя?

– Это мое дело.

Еще не хватало впутывать в эту грязь Рика. Да, он подтвердит, что иллюзию сотворил он, но чем это мне поможет? Еще и скажут будто я, заимев богатого любовника, решила, что могу безнаказанно творить что хочу.

Нет, на самом деле я боюсь не этого. Я боюсь, что он от меня отвернется – от одной мысли об этом сбивалось дыхание и останавливалось сердце.

– Лианор, не тебе решать, что наше дело, а что нет. Кто сделал для тебя иллюзию и чем ты расплатилась за нее?

– У меня не было платья на бал, и мне подарили артефакт с иллюзией. За подарки не расплачиваются.

– Это должен быть очень дорогой артефакт. Кто твой щедрый благодетель? – усмехнулся плешивый. – Уж не он ли попросил тебя в благодарность подсыпать яд барону?

Час от часу не легче! Тем более надо молчать!

– Подарки, которые мне дарят – мое дело, – повторила я. – И они не имеют никакого отношения к гипотетическому покушению на барона.

– Гипотетическому? – перебил меня плешивый. – Барон едва душу богам не отдал этой ночью после того, как ты подсыпала ему в бокал крысиного яда!

– Я ничего ему не подсыпала. Это мне что-то подсыпали или подлили в бокал на вечере.

Что теперь будет? Попытка убийства – это не битая морда, парой недель в яме не отделаешься. Кнут и каторга. По крайней мере для таких, как я.

– Конечно, – ухмыльнулся плешивый. – А ты вообще никогда ничего хмельного в рот не брала. Думаешь, ты первая, кто спьяну натворил дел, а потом твердит, что его опоили и оклеветали?

– Я ничего никому не подсыпала, – повторила я. Надо было что-то придумать, что-то сказать, чтобы мне поверили, но страх скручивал и желудок, и мысли. – Мне незачем было травить Бен… барона после того, как мы помирились.

Я в отчаянии посмотрела на Оливию – ну хоть она-то мне поверит? Но по лицу соседки совершенно ничего нельзя было прочитать.

– Значит, вы ссорились?

– Да весь университет знает, что мы ссорились!

– Ты затаила злобу, разыграла примирение, чтобы втереться в доверие, и отравила барона.

– Нет, я… – Я осеклась, что бы ни сказала сейчас – этот человек все вывернет в свою пользу.

Самое лучшее, что я могу сделать – молчать. Молчать и думать, постараться что-то понять, сообразить, что можно говорить, а чего не стоит до того, как мы окажемся на официальном допросе.

При этой мысли внутри все смерзлось. Представителей нижних сословий можно допрашивать с пристрастием.

Нет, не буду думать об этом. Не сейчас.

– Я не покушалась на жизнь барона Вернона. Это все, что я могу сказать.

– Что ж, разберемся. Собирай вещи и поехали.

– Что я могу взять? – прошептала я. Голос не слушался, а взгляд почему-то приклеился к каменному лицу Оливии. Если она мне не верит, то никто не поверит.

И Родерик… Нет, не думать об этом, а то разревусь.

– Смену белья и одежды, кружку, миску и ложку, – оттарабанил плешивый. – Шаль и теплые чулки.

– Письменные принадлежности? – подала вдруг голос Оливия.

Я обернулась к ней.

– Ну хоть ты-то мне веришь?

Оливия не ответила. Я стиснула зубы, чтобы не разреветься.

– Не знаю, зачем письменные принадлежности простолюдинке, но можно их взять, – кивнул плешивый.

– Учебники можно? – спросила я, чтобы хоть о чем-то спросить. Чтобы можно было думать о разной ерунде, а не о том, что мне конец. Тут же обругала себя. Учебники библиотечные. Возьму хоть конспекты.

– А ты собираешься учиться дальше? – ухмыльнулся третий, серый и неприметный, что до сих пор молча записывал.

– Да. Я ни в чем не виновата.

Трое никак не отреагировали. Привыкли, похоже, что все кругом не виноватые.

– Все выкладывай сюда, мы проверим, – сказал главный.

Я молча вытащила из недр шкафа свою старую сумку – тот

холщовый вышитый мешок, в котором меня подбросили на порог приюта. Брать с собой в тюрьму новую и дорогую было жалко – вдруг пропадет? Эту тоже было жалко, возможно, единственная память о матери сгинет…

Ох, да о чем я! Как бы самой не сгинуть!

Носатый тщательно прощупал все швы на сумке, кивнул и вернул мне. Точно так же они перещупали все мое исподнее – как я ни старалась на это не смотреть, не получалось.

– Пойдем, – сказал, наконец, плешивый.

В дверях я обернулась, вцепилась в косяк.

– Корделия была у нас вечером и лазила в шкаф. Оливия, ты помнишь! Подтвердишь, если что?

Меня грубо пихнули в спину, выталкивая в коридор.

Оливия промолчала.

Это второй том. Первый том «Сиротка для дракона. Боевой факультет»

Глава 2

Половина комнат нашего этажа оказалась открытой. Тут и там в дверях торчали головы, и я не знала, куда деваться от стыда под прицелом десятков любопытных глаз. Даже если я каким-то чудом сумею оправдаться, слухи все равно пойдут. Будут потом тыкать пальцами – вон та, которую в тюрягу утащили. За что? Да неважно за что, взяли, значит виновата.

Хорошо хоть девушки с нашего факультета, с которыми я перезнакомилась, жили на втором этаже, одну меня занесло на третий. Хотя какая разница, все равно и наши узнают. А потом и Родерику донесут. При этой мысли захотелось провалиться сквозь землю. Даже если меня каким-то чудом выпустят и удастся вернуться в университет, не решит ли он, что ему незачем связываться с преступницей?

Не о том я думаю, совсем не о том. Отвернется ли от меня Родерик или нет, пока неизвестно, и это не будет иметь никакого значения, если мне не удастся убедить дознавателей а потом и судью в своей невиновности. Но как их убедить, если даже Оливия мне не поверила?

– Ногами быстрее перебирай! – Плешивый грубо пихнул меня в спину, сбивая с мысли.

Мы вышли в университетский парк – хвала всем богам, сегодняшний день оказался свободным от учебы, и почти все еще спали. Редкие студенты, зачем-то прогуливающиеся в

такую рань, глядели на меня, окруженную тремя стражниками, с удивлением. Неужели меня так и поведут до самого дворца правосудия?

Мелькнула дурная мысль – сбежать. Сперва от стражников, потом из города. Затеряться: мир большой, и в нем наверняка полно мелких белобрысых девчонок вроде меня. Да, придется попрощаться и с университетом, и с надеждой на лучшую жизнь, но если альтернатива – каторга ни за что? Рвануть вон хоть в те кусты, долететь до полигона, сквозь него и через ограду…

– Не рыпайся, – сказал плешивый, точно угадав мои мысли. – Бегать не буду, много чести. Клинком в спину запущу, запишем сопротивление при задержании, и вся недолга. Родственникам тело выдадим.

– У меня никого нет.

– Значит, за казенный счет похоронят.

Я промолчала. Двое, что шли рядом, взяли меня под локти, будто не были уверены, что увещевания плешивого подействовали.

– Пустите, – буркнула я. – Не побегу.

Не помогло. Так, под белы руки, меня протащили по городу до самого дворца правосудия. Не знаю, правда ли каждый встречный глазел мне вслед, но казалось, именно так. Нужно было бы обдумать, как буду выкручиваться, а у меня в голове не осталось ни одной мысли, все вытеснил стыд. Все силы уходили на то, чтобы не расплакаться. Я же ни в чем не

виновата, а меня волокут под конвоем, как преступницу!

Дворец правосудия считался шедевром архитектуры: колонны, лепной портик, белый мрамор фасада, символизирующий чистоту правого дела, гранитная лестница к парадному входу. Я парадной лестницы не удостоилась. Все так же под руки меня провели в неприметную дверь в торце здания. Дальше – сквозь коридор, выкрашенный в зеленый оттенок, на задний двор, где, скрытая дворцом, стояла следственная тюрьма.

Когда стена из красного кирпича заслонила солнце, я сглотнула ком в горле. Выйти-то я отсюда выйду, да только вряд ли на свободу, скорее – в пересыльную тюрьму и потом на каторгу. Какая-то часть меня твердила, что отчаиваться рано, что я невиновна, нужно только подумать, найти правильные слова и убедить судью. Другая злобно хихикала над первой. Чьим словам скорее поверят – барона или простолюдинки? А если Бенедикт нашел и подкупил студентов, готовых лжесвидетельствовать в его пользу?

Кто вступится за меня? Оливия? Но даже если она и захочет – не сможет не покривив душой заявить, будто не отходила от меня весь вечер. Родерик? Его вообще не было на том балу. Близнецы? Они заводили новые знакомства. Зато им придется рассказать, как они волокли меня пьяную домой – и после этого ни одному моему слову не поверят. Скажут, даже если и не вру, просто не помню с перепоя, что натворила. Разве редко в пьяном угаре дерутся или убивают?

Меня провели еще по одному коридору, когда-то беленому, а теперь серому, в комнатушку с зарешеченным окном, таким грязным, что солнечный день по ту сторону казался сумерками – а может, это просто для меня весь мир погрузился в сумерки? Стражник средних лет перетряхнул мою сумку, прощупав каждый шовчик – как будто до него это сделали плохо.

– Стой смирно, руки в стороны, – велел он и огладил мои плечи. Я дернулась.

– Что вы делаете!

– Стой смирно! – рявкнул он. – Сдалась ты мне, сиськи у вас у всех одинаковые! И прежде, чем я успела рот открыть, добавил: – А будешь рыпаться, доиграешься до полного досмотра. Знаешь, что это такое?

Нет, и не хочу знать. Впрочем, на самом деле стражник и не ждал моего ответа.

– Парней позову, чтобы раздеть помогли, и все, что на тебе было, перетрясу, а потом между ног загляну.

Я застыла, не в силах поверить, что это происходит со мной.

– Вот так-то лучше, – проворчал он. – Протащишь в камеру шило да пырнешь кого, а кто отвечать будет? Скажут, Бен недоглядел. Так что стой смирно, девка, не нарывайся. Телеса мне твои ни к чему, но работа есть работа.

Меня затрясло, закружилась голова. Стражник, наконец, перестал меня ощупывать, выпихнул в коридор, где два

незнакомых надзирателя снова повели куда-то. Коридор, лестница вверх, еще коридор с рядами железных дверей. По команде я встала лицом к стенке, проскрежетал засов, меня втолкнули в дверь, и она захлопнулась.

В нос ударил запах давно не мытых тел, аж слезы на глаза навернулись. Стараясь дышать как можно реже, я огляделась. Прямо напротив двери светлело окно, перечеркнутое решеткой, два женских силуэта на его фоне казались черными. Под окном – нары вдоль всей стены, одни на всех.

Я сморгнула, привыкая к освещению, наконец разглядела остальных «постоялиц». Шесть женщин, все старше меня, а, может, они только выглядели старше. Одежда на всех выцветшая, заношенная, словно прошедшая сквозь несколько рук. Наверное, так оно и было. Господа часто дарят старую одежду слугам, те потом отдают ее бедным, и дальше, и дальше… вон то платье с вытканными цветами когда-то было нарядным. Волосы у всех немытые, у некоторых и нечесаные. Неужели я стану такой же за время пребывания в тюрьме?

Стану. Немытое тело пахнет не розами, и я ничем не отличаюсь от других. Меня замутило.

– Какую цацу к нам привели. – Женщина в платье в цветочек сползла к краю нар, разглядывая меня. Остальные тоже зашевелились, задвигались, рассаживаясь и занимая все свободное место. Не знаю, чего они ждали – то ли что я начну упрашивать, то ли что сяду на пол. Я отошла от двери на шаг, замерла, прижимая к груди сумку со своими вещами. Надо

было подумать, что-то сказать, попробовать найти с этими женщинами общий язык – кто знает, сколько я тут пробуду – но ни одной мысли не было в голове, их вытеснило отчаяние.

У меня нет родных, чтобы похлопотать. Только однокурсники, Оливия и Родерик. Станут ли они напрягаться, или покачают головой и забудут о моем существовании?

– Да еще и в штанах, – поддакнула «цветочку» ее соседка. – Что-то я среди наших такую не помню.

– Не похожа она на уличную, и что в облаву попала, не похоже. Поди из дорогого борделя, – фыркнула третья. – За что тебя, клиента обчистила?

– Ни за что, – огрызнулась я.

Женщины заржали.

– Ну да, все мы тут ни за что. – Отсмеявшись, сказала та, что в цветочек. Склонила набок голову, разглядывая меня. – Ишь, чистенькая. Думает, она тут лучше нас. Слышите, девчонки, эта невинная овечка считает, что она лучше нас!

Снова смех. Я стиснула зубы. Молчать. Не нарываться. Да, у меня есть магия, и я раскидаю жриц любви за пару мгновений, но что дальше? Невозможно быть все время начеку, невозможно никогда не есть и не спать, рано или поздно меня достанут, и никакая магия не спасет.

– И одежка хорошая. – Вторая, зайдя сбоку, бесцеремонно пощупала полу моего кителя. – Поди и в сумке что хорошее есть.

Я отступила, уперлась лопатками в дверь, что есть силы

сжимая сумку.

– Дай сюда по-хорошему, – велела «цветочек». – Ты себе еще купишь.

Я покачала головой.

– Лучше не лезь.

– Не нарывайся, детка. Нас много, ты одна.

Да, их много, а я одна. Но мои вещи уже перетряхнули грязными руками. Хватит.

– Лучше не лезь, – повторила я. Надежда решить дело миром таяла, но я должна была попытаться. – Там нет ничего ценного.

– Может, для знатнючьей подстилки и нет ничего ценного, а мы – девушки неприхотливые, нам все сгодится, – подошла ко мне ближе третья. Резким рывком вцепилась в сумку, дернула. Затрещала ткань.

Единственная моя память о матери.

Я выпустила свою вещь и безо всякой магии двинула в нос «цветочку», что стояла ближе всех. Она отшатнулась, вскрикнув. Не дожидаясь, пока опомнится она и остальные, я ударила в живот ту, что отобрала у меня сумку, выхватила ее из ослабевших пальцев, закинув лямку себе на плечо. Третья сама шарахнулась от меня, и я не стала ее бить, но с нар соскочили еще трое, да и «цветочек», опомнившись, размахнулась.

Я выставила щит. Вязкий, самый простой. Кулак «цветочка» влетел в него и застрял, не коснувшись меня. Она дерну-

лась раз, другой и заверещала. Ее вопль подхватили остальные. Перекричать их не стоило и стараться, и я выпустила магию.

«Цветочек» потеряла равновесие, плюхнулась на пол. Зря я надеялась, что освободившись, она заткнется – вопли стали еще громче. В следующий миг я поняла, что она смотрит не на меня, а за мою спину, но прежде, чем успела развернуться, меня ударило по затылку.

Искры посыпались из глаз, за первым ударом последовал второй – поперек лопаток – и еще один, по плечу. Я развернулась, вскинула руки, закрываясь, но от очередного удара дубинкой рука повисла плетью, а следующий – в висок – просто свалил меня на пол.

Меня подхватили, куда-то поволокли. В голове звенело, перед глазами плыло, и никак не получалось встать на ноги – впрочем, способна ли я идти, не интересовало никого, кроме меня. Снова проскрежетала дверь, меня втолкнули в какую-то темную каморку. Силуэт стражника заслонил свет.

– Принес?

– Да.

Что-то холодное коснулось шеи. Щелчок! Я закричала – показалось, будто череп распирает изнутри, выдавливая наружу глаза, барабанные перепонки. На какое-то время перестало существовать все, кроме боли. Но, похоже, длилось это недолго, потому что, когда я снова смогла слышать и видеть, дверь еще не захлопнулась.

– Почему сразу блокатор не надели?

– Быдло, кто ж знал?

Я нервно хихикнула – в самом деле, кто ж знал, что у студентки боевого факультета окажется магия. Задохнулась от тычка торцом палки в грудь, свернулась на полу.

– Ничего, посидишь в карцере – успокоишься, – сказал тот же голос, что спрашивал, почему не надели блокатор.

Захлопнулась дверь, оставив меня в полной темноте.

Встать удалось не сразу – болело все тело. Но подниматься пришлось – каменный пол был ледяным. Кое-как выпрямившись, я повертела головой туда-сюда, поднесла к лицу ладонь с растопыренными пальцами. Тьма не изменилась, как будто света здесь вовсе не было. Шагнула, выставив перед собой руки, и взвизгнула, когда пальцы коснулись ледяной склизской стены. Шаг в другую сторону – стена, такая же мерзкая на ощупь.

Меня затрясло. Я обхватила руками плечи, съежилась на корточках. Согреться не вышло. Сырой камень тянул из меня тепло, кажется, вместе с жизнью. Я всхлипнула, ткнувшись лбом в колени.

Может быть, это просто кошмар с перепоя? Может быть, я проснусь?

Но все было слишком реальным для сна. Болело тело – будто на нем живого места не осталось, онемели ноги от сидения на корточках, а когда я попыталась встать, это оказалось так больно, что слезы полились градом. Нет, это не сон.

Все по-настоящему. Я одна в промозглой темноте. Без магии.

Может быть, еще есть надежда? Может, Оливия расскажет госпоже Кассии, а та попросит мужа? Может быть, у Родерика найдутся влиятельные знакомые, если он захочет за меня заступиться.

Может быть. Нужно просто подождать, и я ждала. То опускалась на корточки, то снова поднималась, пыталась прыгать, чтобы не замерзнуть. Понять, как быстро течет время в кромешной мгле, было невозможно, зато силы утекали слишком быстро. И когда иссякли они, пропала и надежда.

Оливия не поверила мне, а Родерик… кто я ему? Просто очередная смазливая девчонка.

В ледяной темноте я осталась одна.

Глава 3

«Вставай! Вставай, человек!»

Родерик, застонав, натянул на голову одеяло, хоть и знал, что не поможет. Никому еще не удавалось скрыться под одеялом от собственного сна.

Ему снова снился Сайфер. Когда-то дракон появлялся в его снах часто, каждый раз бередя рану от потери. Потом перестал, но в последние недели сны вернулись и стали совсем другими.

Он никогда не видел Сайфера со стороны – трудно увидеть того, чьими глазами смотришь и на чьих крыльях летишь. И в тех, первых снах, он был в драконьем теле. А сейчас разум, точно издеваясь, подсовывал вид со стороны. Вид на статую дракона. Искусно сделанную, почти настоящую, но все же статую. Родерик прекрасно понимал, что его уверенность, будто эта статуя —Сайфер, тоже просто навеяна сном. И все же в душе, там, где после ухода дракона никак не хотела заживать черная дыра, начинало ныть.

Мало того, рядом с драконом всегда была Нори. Когда задумчивая, когда веселая; то спала, свернувшись клубочком под огромным боком, точно котенок, то о чем-то оживленно рассказывала. Там, во сне, Родерик многое бы отдал, чтобы услышать разговор, а не его отголоски. Проснувшись, он понимал, что и это было лишь сном, порождением его разума,

не желающим расставаться с девушкой ни ночью, ни днем.

Он прекрасно помнил собственные мысли в день знакомства. Умненькая, но плохо образованная, милая, но чересчур уж непосредственная. Сейчас он видел, как она вгрызалась в знания, как старательно училась держать себя в руках, а заодно множеству мелочей, что люди его круга впитывают с молоком матери, и понимал, что первое его впечатление, хоть и было верным, не отметило главного.

В восемнадцать красива каждая вторая девушка, а если не красивая, так миленькая. С умными хуже, но и таких хватает. Нори была личностью.

Впрочем, спроси кто Родерика, что он нашел в ней – не стал бы ни разговаривать, ни объяснять. Просто Нори была… Нори. Его единственная. Его наваждение, не отпускавшее ни днем, ни ночью.

«Проснись, человек! Проснись, пока я не вышвырнул тебя в окно, чтобы уж точно разбудить!»

– Напугал ежа голым задом, – проворчал Родерик, приоткрывая один глаз. – Ты в комнате-то не поместишься.

Сосед мирно спал, укрывшись куполом тишины и темноты. А ему-то самому какого рожна не спится, сегодня ведь нет занятий?

– Дик! – долетел едва слышный сквозь оконное стекло девичий голос. – Дик!

Ему ответил мужской, куда громче.

– Чего орешь с утра, оглашенная!

– Да не тебе! Дик! Родерик!

Он подлетел над постелью. Диком его звали немногие, и только одна из этих немногих сейчас была в университете, и она бы не стала…

Распахнув окно, он высунулся по пояс. Холодный утренний воздух обдал тело, и только сейчас Родерик вспомнил, что спал без рубахи. Но Оливии оказалось все равно.

– Ну наконец-то дозвалась. Дик, ты мне очень нужен!

Родерик не мог даже представить ситуацию, которая заставила бы чинную и хорошо воспитанную графиню Сандью кричать под окнами вместо того, чтобы дождаться, когда мужское общежитие откроется, и попросить вахтера позвать нужного человека.

– Сейчас спущусь.

Он торопливо натянул одежду, слетел по лестнице.

– Что случилось? – спросил он у Оливии.

Ее непокорные кудряшки сейчас торчали в разные стороны, наспех сколотые парой шпилек, лицо побледнело. Как бы ни старалась девушка скрывать эмоции, выглядела она встревоженной.

– Мне нужен портал домой. Нужно поговорить с отцом. Немедленно.

– Что случилось? – повторил Родерик, внутренне холодея. Нет, не может быть чтобы что-то случилось с Нори. Он просто только что думал о ней, и разум еще…

«Да, – прорычал дракон. – И я разнесу дворец правосудия

по камешку, если…»

«Сайфер»? – оторопел он.

Не сон?

– Дик, – охнула Оливия, заглядывая ему в глаза. Озадаченно моргнула. – Показалось.

Он сжал кулаки, заставил себя опустить веки. Значит, не примерещилось. Не примерещился Сайфер. Значит, не примерещился и страх Нори. И волнение Оливии, которое он ощутил не так четко, но все же уловил.

– Что с Лианор?

– Откуда ты знаешь, что дело в ней?

Эта манера отвечать вопросом на вопрос, подхваченная подругой от матери, раздражала Родерика и в более спокойные моменты, а сейчас и вовсе хотелось зарычать. Он взял себя в руки.

– Догадался.

– Так это ты тот парень, что задарил ее артефактами?

– Я, – не стал отнекиваться он. – Что с ней?

«Сайфер»?

«Откуда мне знать, если истинная связь не установлена? Ей страшно и плохо – это то, что я чую».

Тогда откуда он знает про Дворец правосудия? Впрочем, неважно. Нори арестовали? За что? Она ведь мухи не обидит.

Поправка – не обидит, если ее не задирать. Неужели кто-то вывел девушку из себя настолько, что она серьезно ко-

го-то покалечила, а то и, не ровен час…

Нет. Нельзя строить предположения, пока нет фактов.

– Значит, к тебе она бегала вечерами. Я тебя сама убью, вот только разберусь… – Оливия резко выдохнула. – Извини. Это подождет. Сделай мне портал. Если тебе не совсем на нее наплевать…

Не совсем наплевать? Родерик заставил себя успокоиться. С точки зрения Оливии все и в самом деле выглядело очень некрасиво: парень его положения мог увиваться за простолюдинкой только с одной целью.

– …оставайся, я буду рассказывать отцу, послушаешь. Не хочу тратить время, повторяя дважды.

Не расспрашивая больше, Родерик сотворил портал. Он хорошо помнил ориентиры: дом Сандью был одним из немногих, куда он мог завалиться в любое время суток безо всякого повода. Где рады были ему самому, а не его знакомствам и родственным связям.

Они вышли из портала у самой двери дома, скрытой густыми садовыми зарослями. Оливия коснулась косяка, и дверь сама распахнулась. В вестибюле словно из ниоткуда вырос лакей, поклонился.

– Мне нужно немедленно увидеть папу, – безо всяких предисловий заявила Оливия.

– Его сиятельство изволит почивать.

– Я знаю. Разбуди его, пожалуйста, скажи, что я очень просила. И предупреди, что у нас гость.

Лакей с поклоном удалился, а Оливия потянула Родерика в малую гостиную. За руку, как в детстве, когда, набедокурив, она просила его «постоять рядом», чтобы родители не распекали слишком сильно. Ее держали в строгости. Хотя Родерик был уверен, чета Сандью обожала свою старшую дочь. Как, впрочем, и остальных детей.

– Папе сегодня не на службу, в такие дни он еще спит в это время, – сказала Оливия, устраиваясь в кресле. – Подождем немного.

Родерик, без приглашения сел в другое.

– Нори арестовали? – Страх обжег, словно спросив вслух Родерик превратил предположения в реальность.

«По камешку! И залью все огнем», – взревел Сайфер.

«Уймись! – рявкнул на него Родерик. – Держи себя в руках!»

«У меня нет рук!»

«Значит, держи себя в лапах! Так ты ничем ей не поможешь! Мы с тобой однажды уже поддались эмоциям, и чем это закончилось?»

«Это ты поддался эмоциям!»

«Хорошо, я поддался, эмоциям. Значит, не повторяй моих ошибок, о, мудрый дракон».

Сайфер взрыкнул, уловив сарказм, но – о чудо – заткнулся.

Оливия затеребила черный бархатный ридикюль.

– Откуда ты… Только не говори маме. Она расстроится.

Естественно, расстроится. Родерик и сам расстроился. Если это можно так назвать – ни в одном известном ему языке не было слов, чтобы описать состояние, когда сходишь с ума от беспокойства за девушку, которая тебе очень дорога; в голове сидит дракон, готовый начать бесноваться в любую секунду, а человек пытается совладать и с ним, и с собой, сохранив способность мыслить трезво.

Ему очень нужна будет эта способность в ближайшие часы, и как жаль, что у них с Сайфером не нашлось времени притереться друг к другу. Как и когда дракон пришел к нему – и вскоре покинул.

– Здравствуй, Родерик.

Кассия улыбнулась ему, стоя в дверях. Он поднялся, приветствуя хозяйку дома. Та жестом велела сесть снова.

– Мы соскучились по тебе.

Она обернулась к дочери, та опустила голову. Родерик знал это выражение провинившейся девочки. Кассия покачала головой.

– Оливия, объясни, пожалуйста, почему я узнаю от слуг, что ты дома. И что именно нельзя мне говорить, иначе я расстроюсь?

Оливия порывисто шагнула к матери, обняв ее.

– Я тоже скучала, – шепнула Кассия, прежде чем выпустить ее из объятий. Добавила строже: – Но я настаиваю…

– Мам, я все расскажу. – Оливия снова затеребила сумочку.

– Вечерний ридикюль к утреннему платью… – задумчиво проговорила Кассия, устраиваясь на диване. – Что тебя так взволновало?

– Нет, я специально взяла его. Я все расскажу, правда, только давайте дождемся папу, и я все…

– Поняла, – не дала ей договорить мать. – Хоть один из вас завтракал?

Она кивнула сама себе, не дожидаясь ответа. Потянула за шнур, висевший у дивана. Через несколько минут появилась служанка, неся на подносе блюдо с булочками, масленку и все необходимое для чая. Кассия сама разлила его в кружки.

– Угощайтесь.

Оливия замотала головой, заметно было, что ей кусок в горло не полезет. Сам же Родерик, к собственному изумлению, обнаружил, что жутко голоден несмотря на то, что в это время должен был носиться по полигону… или благополучно спать перед завтраком в первый с начала года свободный от учебы день.

Булочки оказались горячими, масло так и таяло на них.

«Как ты можешь жрать!» – взбеленился Сайфер.

«Могу и буду. Это ты у нас создание чистой магии, а мне, чтобы думать и действовать, нужно есть. Поэтому не мешай, если не хочешь выслушать лекцию по биохимии и функциям мозга».

Родерик почти хотел, чтобы Сайфер продолжил ворчать – тогда пришлось бы выполнять обещание и читать лекцию.

Появился бы повод отвлечься, чтобы с ума не сойти от тревоги, и мерное взрыкивание дракона спокойствия не добавляло. Родерик почти видел, как Сайфер лупит хвостом, будто рассерженный кот.

Оливия кусала губы и вертелась в кресле. Замирала на несколько мгновений, встретив внимательный взгляд матери, и снова начинала ерзать. Это так не походило на ее обычную сдержанность, что и Родерик начал заражаться ее волнением, как будто мало было его собственного.

Если Нори арестовали, значит, речь идет о каком-то серьезном преступлении. Что она учинила на посвящении? Почем он, олух такой, ее не встретил? Смущать не хотел – мало ли, кто-то соберется провожать…

«Наша!» – взревел дракон.

«Наша, – согласился Родерик. – Но она не в темнице…»

«Она именно там! Сколько можно ждать!»

Да что же Лерой так долго собирается, не из-за него же, Родерика! Он частый гость и почти член семьи, и простит, если хозяин дома явится небритым – при этой мысли Родерик потер подбородок, мысленно ругнулся, когда щетина кольнула пальцы.

Словно почуяв его мысли, наконец, появился хозяин дома в шелковом домашнем кафтане. Так же, как и Кассия, остановил поднявшегося гостя, и в следующий момент Родерику самому пришлось жестом просить не кланяться ему.

– Так по какому поводу ты перебудила весь дом? – добро-

душно поинтересовался граф, устраиваясь на диване рядом с женой.

Оливия подалась вперед.

– Сегодня утром в нашу комнату пришли представители сыскной управы и арестовали мою соседку, Лианор Орнелас. – Она виновато глянула на мать. – Я не хотела тебя…

Кассия жестом остановила ее.

– Я действительно расстроена, но мои переживания подождут. Продолжай.

– Обвинив в попытке отравить Бенедикта Вернона.

Родерик медленно, очень медленно поставил на столик перед собой чайную пару. Нельзя швырять посуду в стену и кричать. Пусть Сайфер кричит, что это наглая клевета, ему можно, его никто не слышит.

Кассия нахмурилась, покачала головой. Граф подался навстречу дочери.

– Вероятно, для этого были основания. Ты же не пришла ко мне просить совершить должностное преступление?

Глава 4

– Нет. Я прошу тебя разобраться. Но прежде всего… Простолюдинку могут допросить с пристрастием.

Родерик похолодел. Пожалуй, разнести по камешку дворец правосудия – не такая уж плохая идея.

«А я что говорил!» – взревел Сайфер.

Если ее хоть пальцем коснутся…

– Родерик… Ваше… – выдохнул граф, глядя на него так, словно в кресле появилась изначальная тварь.

– Благородие, – машинально поправил его Родерик. Проследил за его взглядом и оторопел – на руках проступили очертания чешуи, а ногти превратились в самые настоящие когти, впились в дерево.

– Прошу прощения, я…

Он заставил себя выровнять дыхание, вспомнить, где он находится. Ощутить кресло под собой, пол под ногами, тепло чая в животе. Руки снова стали нормальными, только на подлокотниках остались глубокие царапины.

– Прошу прощения, – повторил он. – Надеюсь…

– Перестань, – мягко сказала Кассия. – Здесь все свои.

Но все же взгляд ее сказал совсем другое. «Что тебе до этой девушки» – безмолвно вопросил этот взгляд, и Родерик отвел глаза. Он сам говорил себе это много раз. Он ведет себя, как последний подлец, привязывая к себе девушку, кото-

рой не может ничего обещать.

«Только попробуй от нее отказаться!»

«Сайфер, заткнись!»

Но он ничего не мог с собой поделать.

– Я понял тебя. – Лерой снова обратился к дочери, точно и не было предыдущего замешательства. – Но ты все же пытаешься убедить меня совершить должностное преступление, вмешавшись в ход разбирательства.

– Я не прошу тебя вмешиваться! То есть прошу… сделай так, чтобы ее пока просто допросили. На словах.

– Я давно говорила Робину, что допросы с пристрастием и телесные наказания – пережитки былой жестокости, от которой нужно отказаться, – сказала Кассия. – Пожалуй, я снова поговорю с ним об этом сегодня. Но законы не принимают за четверть часа.

Если Лианор узнает о том, каких людей…

«И драконов!»

«Ты что, рассказал им?…»

Давненько Родерик не чувствовал себя так глупо.

«Ты забыл, что у драконов общая память?»

Даже не помнил толком никогда. О таких вещах не пишут в учебниках. О чем-то родители, конечно, упоминали, но далеко не обо всем.

И все же, если Нори узнает, ее удар хватит. Значит, она не узнает. Только бы вытащить ее оттуда. Законно. Полностью оправдав. Чтобы комар носа не подточил. Чтобы она спокой-

но доучивалась без пятна в личном деле и слухов о том, что влиятельный любовник покрыл ее преступления.

А если не получится…

«По камешку!»

«Уймись!»

– Или отложили допрос из-за выходного или еще чего-то, – продолжала Оливия.

– У дознавателей нет выходных, – покачал головой граф. – Тем более, если речь идет о покушении на Вернона, пусть даже младшего. Весь свет знает, как вы с мамой относитесь к баронессе…

– Она первая начала!

– И сделают вполне закономерный вывод: я затягиваю разбирательство из желания отомстить старшему барону.

– Вот-вот, кто-то тоже сделал вывод, что Лианор отравила Бенедикта, потому что они подрались за день до начала учебы! – воскликнула Оливия. – И теперь она в тюрьме, и ей грозит допрос с пристрастием. Только потому, что кто-то сделал вывод!

– А ты так уверена, что твоя соседка невиновна? Ты часто очаровываешься людьми прежде, чем узнаешь их как следует.

– Лианор – моя воспитанница, и попытка кого-то отравить очень на нее не похожа. Отравление – продуманная и заранее подготовленная подлость исподтишка. Лианор скорее ударит, в худшем случае пырнет ножом, но вряд ли отра-

вит, – сказала Кассия.

Граф постучал пальцами по подлокотнику. Посмотрел на Родерика.

– Ты здесь, чтобы поддержать Оливию, или у тебя свои интересы?

– Свои интересы, – не стал врать он. – Дюжина дней – не слишком долгое знакомство, но я тоже уверен, Лианор не стала бы травить Бенедикта. Даже за то, что он избил ее, сломав ключицу.

Лерой снова замолчал. Родерик ждал, зная, что давить на него бесполезно – можно лишь убедить, а потому лучше придержать язык.

«И не надо ни на кого давить. У Ирмы есть идея».

Если у драконицы есть идея, значит, родители действительно знают и… Родерик на миг ощутил себя подростком, которого отец застал с девушкой в самый неподходящий момент. Интересно, многое ли Сайфер сообщил драконам? И насколько личное это «многое»? Додумывать мысль не хотелось.

«Нор-ри наша! Наше сокровище, не общее!»

«Значит, не все?»

«То, что наше, остается нашим. Ты же не знаешь, как император с женой…»

«Сайфер, заткнись!»

Обнаружить, что он способен смущаться, как мальчишка, было странно и очень неловко. Потом. Обдумывать это он

будет потом.

– Вам не нужно совершать должностное преступление, – сказал Родерик. – Императрица славится заботой о сирых и убогих. И сегодня она вдруг осознала, что совершенно упустила из виду заключенных. Конечно, большинство из них виновны, но и преступники – люди, заслуживающие человеческого обращения.

– Если не считать допросы с пристрастием, – улыбнулась Кассия, а Лерой схватился за голову.

– Мелани намеревается посетить дворец правосудия? Родерик, неужели ты с утра успел…

– Да, дворец правосудия, в том числе камеры и подвалы, – кивнул он. – Нет, я еще не разговаривал. Но драконы многое узнают сами до того, как люди успевают переговорить.

– Тогда подождите немного, – сказал граф, поднимаясь с кресла.

Сквозь неплотно прикрытую дверь было слышно, как он требует к себе секретаря.

– Отец знает? – негромко поинтересовалась Кассия.

– Я не докладываю ему о своих увлечениях, – огрызнулся Родерик.

– Я о драконе.

Скрыть дракона от других драконов невозможно, но людям об этом никто не рассказывал. Призвать дракона, пока жив император, считалось преступлением и приравнивалось к государственной измене.

– Знает. Это давняя история.

– Примерно того же срока, что и… – влезла Оливия и осеклась. – Прости, это не мое дело.

– Лианор не могли арестовать, чтобы надавить на тебя? Точнее, через тебя – на твоего отца? – так же негромко спросила Кассия.

Родерик похолодел.

– Не должны. – Он подумал, повторил уже уверенней: – Не должны. Я никому в университете не говорил, кто я на самом деле.

– Кто-то мог просто узнать тебя в лицо.

– Я слишком давно лишился титула и не мелькал при дворе, чтобы меня помнили. Возможно, ректор знает.

Кто еще? Декан? Вряд ли. Это у Родерика все увиденное во время того прорыва, кажется, навсегда отпечаталось в памяти, а Рейту явно было не до него. К тому же Родерик тогда не орал во всеуслышание о том, кто он.

– И я бы хотел, чтобы и дальше никто в университете не знал, кто я, – продолжал он. – Особенно Лианор.

– Да, она разумная девушка, и разорвет отношения, едва узнает, – задумчиво кивнула Кассия.

«Только попробуй ее отпустить!»

«Без хвостатых разберусь!»

«Я крылатый!»

«Без крылатых тоже!»

– Как мило, что вы уже все решили за нас обоих, – не

удержался Родерик.

Кажется, понятно в кого Сайфер так стремится оставить последнее слово за собой.

– Да, ты прав, это сейчас не тема для обсуждения. Но если Лианор придет ко мне за советом, я скажу все, что думаю по этому поводу. Не раскрывая твоей тайны.

– И я тоже, – поддакнула Оливия.

Вернувшийся граф прервал их разговор.

– Поручил секретарю передать во дворец правосудия о «внезапном» визите. А заодно узнать, кто дознаватель, и придумать, почему именно он должен особенно усердно заниматься подготовкой. Хотя сегодня всем будет не до допросов. А теперь… Оливия, рассказывай. С самого начала, во всех подробностях, и постарайся доказать, что твоя уверенность в невиновности соседки вызвана не только симпатией к ней.

Оливия свела брови к переносице.

– Пожалуй, я лучше начну с конца. Сегодня утром нас с соседкой разбудили люди из сыска.

– Из сыска, или представившиеся сыском? – переспросил граф.

– Я проверила документы. Если это и подделка, то слишком хорошая, чтобы я могла ее обнаружить. С магическими печатями.

Магические печати тоже можно подделать, но стоило это недешево. Вряд ли кто-то потратится так сильно, чтобы

насолить простолюдинке. Нанять полдюжину головорезов, чтобы «проучить», вышло бы куда дешевле.

– Лианор обвинили в отравлении Бенедикта. Во время обыска у нее в шкафу нашли пузырек с крысиным… – Оливия осеклась. – Пузырек, на этикетке которого было написано: «крысиный яд». Содержимое при мне не проверили.

Кассия покачала головой. На ее лице отчетливо читалось то же самое, о чем думал Родерик: Нори не дура. Если бы она в самом деле решила отравить Бенедикта, то от яда избавилась бы сразу же, как сделала дело.

– В кармане ее парадного мундира обнаружили сверток пергаментной бумаги с белым порошком. Анализ при мне не проводили, а я свои услуги, само собой, не предлагала.

– Зря, – сказала Кассия. – Сейчас мы знали бы точно. И были бы уверены, что порошок не подменили…

– Хорошего же ты мнения о моих подчиненных, – усмехнулся Лерой.

Кассия пожала плечами.

– Люди бывают разные. Тебе ли не знать.

– Лианор, кажется, и так решила, что я не на ее стороне, – вздохнула Оливия.

– Она разумная девушка, и рано или поздно все поняла бы. – успокоила ее мать. – Продолжай.

– Еще они пытались осмотреть сумку, – Оливия встряхнула ридикюль. – Но я не позволила лезть в мои вещи. Однако, когда они ушли, я заглянула туда, и обнаружила вот это. –

Она вытащила из сумочки маленький сверток пергаментной бумаги с чем-то белым внутри.

– Можно? – Кассия протянула руку, глядя не на дочь, а на мужа. Тот задумчиво кивнул. Кассия капнула на ладонь воды из чайника, бросила несколько крупинок порошка, растерла в руках.

– Мышьяк. Ты ведь убедилась в этом, правда, прежде чем бежать к отцу за помощью?

Оливия кивнула.

Не хочет же она сказать, будто Лианор подбросила яд и в ее вещи, чтобы потом попытаться обвинить соседку? Родерик едва сдержался, чтобы не спросить об этом вслух

– Получается, ты утаила вещественные доказательства, – сказал граф.

– Получается так. С этим ридикюлем Лианор вчера была на балу, я дала ей его на вечер.

– Ты упоминала парадный мундир, – нахмурился Лерой. – Дамские сумочки не носят с парадными мундирами.

Оливия кивнула.

– Она надела парадный мундир и накинула поверх него иллюзию бального платья. Артефакт.

– Такой артефакт должен стоить хороших денег. Откуда они у простолюдинки?

– Я подарил ей этот артефакт, – сказал Родерик, мысленно ежась под взглядом хозяйки дома.

– Это слишком дорогой подарок, Родерик, – медленно

сказала Кассия.

«Пусть не лезет! Нори наша!»

«Кассия беспокоится о ней. Уймись!»

– Я сделал его сам, поэтому разговор о цене неуместен.

Но взгляд Кассии не стал мягче, и Родерик понял, что молчать она действительно не станет. Скажет все, что думает, и Нори, если та придет за советом, и ему самому, не спрашивая, нужно ли ему ее мнение, ведь он не воспитанник, а практически член семьи. Но все же этикет позволял принимать подарки, сделанные собственными руками, и Родерик цеплялся за это, точно за спасительную соломинку. Всего лишь стальная проволока, стекляшка и его магия, и лучше не думать, сколько получившийся артефакт стоил бы, окажись он в лавке господина Тоби.

Ему так приятны были искренняя радость Нори, ее восхищение, что он совершенно потерял чувство меры, одаривая ее. Нет, Родерик по-прежнему не считал, будто делает что-то выдающееся, или будто его подарки к чему-то обяжут девушку. Только люди, узнав о них, сделают свои выводы, которые лягут пятном на ее репутацию. Ему следовало сообразить это с самого начала.

Оливия тем временем продолжала:

– Она до самого последнего момента не показывала мне этот артефакт, и я очень удивилась, увидев платье. У Нори… Лианор не было к нему украшений, и я одолжила свои. Я дала ей ридикюль, взяла под руку, и мы вышли тут же. У нее

просто не было времени положить в него хоть что-то, даже ключ от комнаты. Однако утром в сумочке оказался яд.

Глава 5

– Она могла переложить в нее мышьяк из кармана уже на балу. Взяла с собой несколько порций, разложила по нескольким местам, чтобы удобнее было достать, – возразил граф.

– Лезть в карман мундира сквозь иллюзию юбки под десятками взглядов? Комнат для отдыха дам там не обустраивали.

В хороших домах хозяева выделяют гостьям комнату, где можно поправить растрепавшуюся прическу, привести в порядок туалет и отдохнуть. Но университет – все же не дом, да и бал в честь посвящения был раза в два короче, чем те, что давали в хороших домах, а потому и необходимости в таком помещении не нашлось. Нори просто негде было уединиться.

– Ей негде было уединиться, – Оливия словно читала мысли Родерика. – Молодые люди не отходили от нее ни на шаг, Лианор оказалась очень популярна на этом балу. Так что яд в сумочку положила не она. Я думаю, что это сделал кто-то, кто полагал, будто она будет в мундире, и обнаружив платье, решил что…

– Выводы пока придержи при себе, – перебил ее Лерой. – Факты.

– Сумочки и прочие мелочи барышни, как и в наше время, оставляли на галерее? – поинтересовалась Кассия.

Оливия кивнула.

– Я начинаю думать, что в ворчании стариков, дескать, университет портит нравы, позволяя молодежи развлекаться без родителей, была своя правда. – Кассия задумчиво добавила: – Или я старею, но очень хочется сказать, дескать, в наше время…

– За балом присматривают преподаватели, и довольно успешно. Хотя насколько мне известно, после того, как корона стала оплачивать учебу простонародью, различные… – граф сделал выразительную паузу, – недоразумения участились. Мне тоже хочется сказать «вот в наше время», но, возможно, дело не в старости.

– Недоразумения, да… Одно из таких недоразумений случилось вчера. Лианор перебрала. Перебрала очень сильно, едва на ногах стояла, – сказал Оливия.

Кассия сокрушенно покачала головой.

Родерик мысленно хлопнул себя по лбу. Какой же он балбес! Смущать не хотел! Мог бы тишком прийти, убедиться, что все в порядке, и уйти. Зная Кассию и барона Аллеманда, он был уверен, что в приюте спиртного не было. Нори – разумная девушка, но самая разумная девушка, впервые попробовав хмельное, может просто не рассчитать количество выпитого.

– Как она добралась домой? – не выдержал он.

– Помогли близнецы с его факультета. Ты их знаешь?

Родерик кивнул.

– Хорошие парни.

– Да, и я проводила ее до общежития и передала с рук на руки Дейзи, прежде чем вернуться на бал. Я не знаю Дейзи, но один из парней…

– Я знаю Дейзи. Она надежная. Спасибо, Оливия.

И остальным тоже надо будет сказать спасибо. А потом серьезно поговорить с неудачливой пьянчужкой, чтобы подобное не повторялось. Но все еще хуже, чем казалось поначалу. Если эта история дойдет до сыска, ни одно слово Нори не станут принимать всерьез. Перепила, с пьяной обиды решила отомстить и отравила Бенедикта.

– Но Лианор весь вечер утверждала, что выпила лишь один бокал игристого, – продолжала Оливия.

– Все пьяные твердят, что они лишь попробовали, – усмехнулся граф.

– Тебе лучше знать, я видела не так много пьяных. Однако буквально за два танца до того, как Лианор увели с бала, я разговаривала с ней, и она была совершенно трезвой.

– Насколько трезвой была ты? – поинтересовался Лерой.

– Не абсолютно, но и не пьяна, – спокойно ответила Оливия. – И потому я могу уверенно сказать – в первую половину вечера от нее не пахло вином. Речь и жесты не изменились. Зато после того, как она выпила бокал игристого, предложенный Бенедиктом в знак примирения, Лианор очень быстро развезло.

– Бенедикт предложил помириться? – не поверил Роде-

рик. – Да он скорее бы сам мышьяк в бокал сунул!

– Мне тоже показалось это странным, поэтому я проверила вино на яды. Ничего, кроме спирта.

Который, как известно, тоже яд.

– Но, если в вино просто плеснули спирта, обычный магический анализ этого не покажет, – заметил Родерик.

– Мы снова переходим в область предположений, а я просил факты, – вмешался граф.

– Лианор утверждала, что этот бокал вина был единственным за вечер. Утверждала очень настойчиво. Но когда я проверила на яды ее бокал с тем, что она называла лимонадом, в нем тоже был спирт.

– Зачем ты это сделала? – спросил Лерой.

– Потому что ты был прав, когда сказал, что Лианор мне понравилась. Слишком уж быстро ее развезло, я хотела понять почему. Бокал пах спиртом, но это действительно был лимонад.

– Ты пробовала?

– За запахом спирта чувствовался лимон, а не винный аромат. И Лианор говорила, что последний выпитый ею бокал горчил.

– Это все?

– Нет. Бенедикт был не единственным, кто захотел помириться с Лианор в тот вечер. Совсем незадолго до бала к нам заходила Корделия, баронесса Вудруф.

Родерик застонал про себя.

– Я не знаю, что они… – Оливия осеклась. – Впрочем, теперь я, кажется, знаю, что, точнее кого они не поделили.

«Мы не вещь, чтобы нас делить»! – рыкнул Сайфер.

Родерик был совершенно с ним согласен. А еще хотел провалиться сквозь землю и чувствовал себя на удивление глупо, как будто он стал барышней, из-за которой дерутся мужчины.

Хотя «дерутся» – преувеличение, про драку он не слышал ничего. Зато слышал, что Корделия распускала грязные сплетни про Лианор. Об этом рассказал побитый Нори парень, когда Родерик вызвал его на разговор. И у Корделии после той истории сильно пошатнулась репутация среди молодых людей, учившихся на последнем курсе факультета. До барышень эта история то ли не дошла, то ли просто с Родериком никто из них особо не откровенничал.

Но почему Нори вообще стала разговаривать с Корделией?

– Хотя надо было, наверное, сначала рассказать, что было за несколько дней до того, – сказала Оливия, прерывая его размышления.

Родерик выругался про себя, услышав историю с бельем, о которой раньше не знал. Впрочем, откуда бы ему узнать? Нори слишком горда, чтобы жаловаться. И даже если она поделилась с кем-то из барышень, кроме Оливии, те точно не стали бы обсуждать с Родериком чужое белье. Вон, даже у Оливии щеки порозовели, хотя она переняла от матери и ее по-

други-целительницы спокойный и прагматичный взгляд на тело и все, что с ним было связано.

Оливия между тем продолжала:

– Корделия принесла две рубахи взамен испорченных, сама сложила их в шкаф и могла…

– Факты, – сказал граф.

«Факты! – возмутился Сайфер. – Да изначальной твари ясно, что эта рыжая…»

«Разве ты с ней знаком?»

«А ты разве не знаком?»

Да, точно. Дракон получал в собственное распоряжение не только память, общую для драконов, но и память своего человека – и именно это и делало каждого из них отдельной личностью.

«Знаешь, а на месте Нори и я бы поверил, что Корделия пришла мириться. Она действительно способна признавать, что неправа, и может быть щедрой, если речь идет о помощи или компенсации».

«Но не в этот раз! Отгрызем ей голову?!»

«Похоже, что действительно не в этот раз, – признал Родерик. – И я бы сам ее задушил».

Ему действительно сейчас хотелось схватить Корделию за узкие плечики и трясти, трясти, пока не вытрясет правду, а потом просто свернуть ей шею. Родерик украдкой глянул на руки – так и есть, ногти снова вытянулись и заострились. Кажется, император носит иллюзию не только для того, чтобы

скрывать лицо. Хотя сам Родерик не помнил, чтобы и без иллюзии тот хоть раз настолько потерял контроль над собой.

– Факты, – кивнула Оливия. – Факт в том, что, кроме Корделии, за последние дни, точнее с самого начала учебы, у нас не было гостей.

– Даже твоих однокурсниц? – удивился граф.

Оливия покачала головой.

– Мы почти весь день проводим вместе, на занятиях, а потом в библиотеке и анатомичке. Заданий столько, что вечером, честно говоря, совсем не до гостей, – хмыкнула Оливия.

– Насколько я помню, Мелани тоже все время жаловалась, что практически не остается времени ни на что, кроме учебы, – улыбнулась Кассия.

– Могу подтвердить – на первом курсе целительского действительно не до гостей, по крайней мере в будни, – добавил Родерик. – Мне после боевого перезачли некоторые общеобразовательные дисциплины, но голова все равно пухла.

– Однокурсницы Лианор? – не успокаивался граф.

– На первом курсе боевого больше нет девушек, – ответила Оливия, и Родерик кивнул, подтверждая ее слова.

Граф откинулся на спинку кресла, сомкнув кончики пальцев перед собой. Родерик знал этот жест, означающий размышление.

– Насколько я понимаю, твоя версия событий выглядит так, – сказал наконец Лерой. – Корделия и Бенедикт сговорились. За несколько дней до бала Корделия разыграла рас-

каяние, чтобы втереться в доверие и найти повод приходить к вам. Явившись незадолго до бала, когда вам было не до нее, подложила мышьяк в шкаф Лианор и карман ее мундира.

Оливия кивнула.

– На балу кто-то, кто был в курсе этого плана…

– Бенедикт, – вставила Оливия.

– …увидел Лианор не в мундире, а в платье, и испугался, что мышьяк в кармане кителя не сочтут доказательством. И потому, воспользовавшись моментом, подложил яд в ридикюль.

Да, это походило на Бенедикта – поторопиться с выводами и действиями, ни с кем не посоветовавшись и не просчитав последствий.

– Судя по тому, что она опьянела после бокала, предложенного Бенедиктом, тот подлил в игристое спирт.

На подобные мероприятия нанимают дополнительных слуг, и подкупить их, знающих, что они больше не вернутся сюда работать, очень легко. Бенедикт мог даже подлить спирт в оба бокала одновременно и не беспокоиться о том, какой из них возьмет Нори. В конце концов, это не мышьяк. Молодые люди в его возрасте уже не раз пробовали хмельное, и от дозы, которая свалила Нори, с ног Бенедикт в лучшем случае слегка захмелел. Даже если и не слегка, опасаться ему было нечего.

– А потом приправил спиртом и ее бокал с лимонадом. – Граф пристально посмотрел на дочь. – Зачем бы ему это де-

лать, объяснишь?

– Чтобы, вернувшись домой в невменяемом состоянии, Лианор не обнаружила ни в карманах, ни в шкафу, ни в сумочке ничего лишнего, – сказала Оливия, и Родерик снова кивнул, мысленно поддакивая ей.

«Давай мы и ему отгрызем голову!»

– Вернувшись после бала, Бенедикт инсценировал собственное отравление, а консультация Корделии помогла ему сделать это так грамотно, что университетский целитель ничего не заподозрил.

– Не заподозрила, – поправил его Родерик. – Ночью дежурила Агнес.

Граф наклонил голову, принимая поправку, и закончил:

– Я правильно все изложил?

Оливия кивнула.

Лерой снова помолчал, коснулся кончиками соединенных пальцев подбородка и продолжал:

– Эта версия имеет право на существование. Но, к сожалению, все могло быть и так, как думает дознаватель. Лианор затаила злобу, нашла яд – его и искать особо не пришлось, наверняка в ближайшей же к университету лавке он есть…

– Она не выходила за территорию университета всю эту неделю! – перебила его Оливия.

– Ты можешь это доказать?

Девушка сникла, а Лерой сказал:

– Лианор выжидала подходящий момент, и он предста-

вился, когда Бенедикт решил отринуть все недоразумения и помириться. Какой бы популярностью она ни пользовалась на этом балу, улучить момент несложно, если задаться целью.

– А спирт?

– Простое совпадение. Какой-нибудь парень из простонародья решил таким образом сделать Лианор более сговорчивой. В нашем кругу подобные способы не приняты.

В самом деле, когда барышня приезжает на бал с родителями и уезжает с ними, подливать ей что бы то ни было в бокал бессмысленно.

– Однако среди простых людей опоить девушку, чтобы склонить ее… – Граф сделал многозначительную паузу. – Такое случается нередко.

Глава 6

– Ты предвзят к н

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.